

22 декабря 1974 г.

ТВОРЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ

СВИДАНИЕ С ТОБОЙ

КАБИНЕТ председателя колхоза Зосимы Ярцева. Вместо Зосимы за столом сидит Спира Рыхлов. Входит старик Митрофан. Переминается у порога, робко кашляет в кулак.

Эта сцена из пьесы Тендрякова «Совет да любовь», конечно, сразу вспомнится тем, кто видел спектакль Пушкинского театра. В драматическое развитие действия, в повествование о жизненных путях и перепутьях сильного человека Зосимы Ярцева вплетаются бытовая юмористическая нота: незадачливый деревенский балагур, нечто вроде местного Щукаря, в самые трудные, переломные для Зосимы дни вздумал одолевая его просьбами о прибавке пенсии.

...Шли репетиции. Исполнитель роли деда Митрофана Александр Федорович Борисов испытал черты характера своего героя. Что же такое этот эпизодический персонаж? Неужели только шут гороховый, потеха для всей деревни: подвыпьет и пойдет куролесить, смешить народ? Нет. Не должен быть так примитивен этот дед. Из коротких реплик пьесы может возникнуть более значительный характер.

Он простой должен быть и абсолютно узнаваемый, каких много среди нас.

С ПОДОБНЫМИ людьми жизнь не раз сводила Борисова. В детстве он подолгу бывал в Зарайске у родни, видел много разных людей. Чья-то черточка сейчас промелькнет в его Луке из спектакля «На дне» Горького: а кого-то могли бы узнать в старике Мефодии из «Дела, которому ты служишь», если бы близкие прототипа были и сейчас живы. Давно это было... А этот с георгиевским крестом в баню идет, с венчиком под мышкой и в галошах. Собственный дядька был таким, толкался вечно среди людей на базаре. И вот вдруг всплывает сейчас в старике Митрофане, который пришел в правление просить о прибавке пенсии.

В своем творчестве Борисов никогда не стремится идеализировать своих героев, не наделяет их чертами исключительными. Суть его творческого поиска заключается в том, чтобы раскрыть на первый взгляд простое во всей его сложности. Именно поэтому его герои как-то не укладываются в жесткие рамки ампулы. С одной стороны, Борисов — характерный актер. С другой — его героям свойственны мягкие лирические краски. Они отмечены откуда-то изнутри идущей притягательной силой. Даже горьковский Лука в спектакле «На дне» у Борисова несомненно вызывает доверие потому, что не пытается своей ложью расчетливо приладиться к людям. Он искренне хочет помочь всем. Но по-житейски трезвый, сам не верит в то, что обещает. Не верит в возможность этих людей подняться со дна жизни. Но считает своим долгом помочь им, слабым, опустившимся, помочь как умеет.

Особой, почти детской чистотой наделял Борисов царевича Федора в «Великом государе» и в то же время беспощадно показывал, в чем его вина, как он слаб и беспомощен. Мягкие, легкие движения рук. Неопределенные, незаключенные жесты. И она особенно запоминающаяся деталь. Он часто разводил руками, словно собираясь хлопнуть в ладоши, разводил и... осторожно опускал вниз. И так мысль Федора, благой порыв его прорывались было и тихо гасли...

Поиски внешней выразительности всегда индуг у Борисова от постижения внутренней сути образа. Он прошел серьезную школу сценического реализма в старейшем академическом театре. Более полувек выходит он на сцену Пушкинского театра. Здесь работал с такими режиссерами, как Н. Петров, Б. Сушкевич, Л. Вивен, выступал с мастерами старшего поколения — Ю. Юрьевым, В. Давыдовым, Е. Корчагиной-Александровской, В. Минчуриной-Самойловой, А. Горин-Горяиновым. В спектаклях классического репертуара, в постановках пьес советских драматургов он вместе с мастерами этого театра слагал историю советского театрального искусства.

Его учитель, Юрий Михайлович Юрьев, был представителем романтического направления. Но в каждом своем ученике этот большой мастер умел увидеть особенность его дарования. От Борисова требовал естественности поведения на сцене, предельного приближения к жизненной правде. И еще одного на портрете, подаренном Борисову: «Помните и мой завет — завет первого моего учителя — работать». Завету этому ученик остался верен на всю жизнь.

В семье петроградского текстильщика Федора Борисова мать и отец мечтали, что сын станет врачом. А сын в доме ра Старо-Невском, где они жили, организовал самодеятельный театр и играл там. Соседи хвалили, а родителям было обидно, хоть и приятно. Потом еще того удивительнее — со своим другом, который неизменно сопровождал на всех спектаклях, пошли поступать в музыкальную школу. Приняли обоих. А как пошли скучные гаммы, один бросил заниматься: «Сухость», — сказал. Другой же одолел сухость, спустя годы стал прославленным композитором, зовут его Василий Павлович Соловьев-Седой.

А Борисов тогда пошел еще учиться пению. На приемном экзамене допеть не дали, сразу приняли: «Берем». А тут как раз объявили прием в студию Пушкинского театра, и судьба Александра Борисова определилась навсегда. Было это в 1923 году.

Учитель пения, когда Борисов уходил от него в театр, слово с ученика взял, что тот не бросит занятия. Бросил, конечно: где же успеть? Иногда и сейчас об этом жалеет. А может, и не о чем жалеть, может, и не бросил вовсе? Вспомните, какая из ролей Борисова не пропизана музыкой, пением? Его Мусоргский в фильме был композитором и пел сам. Голос артиста, правда, был несколько выше того, который нужен, пришлось поколдовать звукооператорам. А его Лапина из фильма «Верные друзья» и представить невозможно без популярнейшей нашей песни:

Укажи лишь только мне
на глобусе
Место скорого свидания
с тобой...

Звучит в «Сказках старого Арбата» лирический тенор артиста — поэт грустный человек из города Глова. И дед Митрофан поет, и даже Плюшкин в самой последней работе актера, в спектакле «Мертвые души».

Пел во время Великой Отечественной войны по Ленинградскому радио созданный им герой — веселый и смелый летчик Сеня Ястребков. Он рассказывал о событиях на фронте, читал письма и исполнял песни, которые потом подхватывала вся страна. «Играй, мой байн» — песню написал Соловьев-Седой, а впервые исполнил у микрофона Ястребков-Борисов. «Землянка», «Темная ночь», «Бескозырка», «Соловьи» — песни военных лет, которые пел он на фронте, в частях Сибирского гвардейского корпуса. Нет, все-таки выполнил Борисов слово, которое дал своему учителю пения. Сейчас артист готовит эту же программу вновь, через тридцать лет после нашей победы.

А С ДЕДОМ Митрофаном не все было ладно, хотя репетиции подходили к концу. Ну, хорошо — скромный он, деликатный, простоватый. Но этого же мало для образа. А как он жизнь прожил? Воевал, конечно, вся страна воевала. Где-нибудь, может, по возрасту во втором эшелоне, а воевал. Значит, нужна ему вместо пиджака вылинявшая гимнастерка. А может, и на первой мировой побывал? Может. И георгиевский крест до сих пор носит. Правильно, носит, революцию в оных встретил, среди первых оружием ее защищал. Вот так-то оно по значительнее получается, Митрофан из сельских балагуров в достойные заслуженные люди выходит.

ВОТ ТАК всегда, когда видишь Борисова на сцене, в роли, создается ощущение, что он знает о своем персонаже значительно больше, чем о нем сказано в тексте. Может быть, это потому, что он, работая над образом, обязательно отыскивает «прелюдию» к жесту, слову, одежде, гриму, то есть причину, обуславливающую их. И тогда мир человека, создаваемого им, становится осязаемым и удивительно реальным.

Роль Ивана Петровича Павлова в фильме «Академик Иван Павлов» принесла Борисову всемирную славу и звание народного артиста СССР. «Когда сейчас смотрю фильм, сам не понимаю, как такие детали нашел, словно и не я играю», — признается Александр Федорович. А путь к Павлову шел через ту же «прелюдию» к слову и жесту:

— Незаметно для себя, — вспоминает артист о том времени, когда он готовился к съемкам в этой роли, — я стал вдруг смот-

реть на многие вещи глазами Павлова. Довил себя на том, что хожу его походкой: я заметил ее в кадрах кинохроники. Пальцами по столу стал постукивать, как он, в трамвае сам с собой разговаривал. Но окончательно я убедился, что роль стала «моей», уже во время съемок. Там был такой кадр: Павлов проводит опыт, и от шока собака застывает с поднятой лапой. Никак не удавалось снять этот кадр — собаку волновала необычная обстановка. И тогда я увидел, что собаке хотят ввести сыворотку, которая вызовет у нее шок. Тут-то и заговорил во мне Павлов. Я прямо в ярость пришел, наскочил на помрежа, кричу резким срывающимся павловским голосом: «Я этого, сударь, не потерплю! Извольте относиться к животным с любовью, с уваженным отношением...».

Эпизод забавный, но помогает нам понять творческую лабораторию актера: когда психологическое обоснование найдено, найден стержень — нет, не роли, — стержень человека, который будет жить на сцене, на экране, — тогда Борисов не боится надеть его смешными, трогательными и даже не совсем приятными черточками. Суть неизменно видна сквозь наслонения привычек, воспитания, характера. Суть определяет образ. Его старик в спектакле «Дело, которому ты служишь» вроде бы и неприметен совсем в доме своего сына адмирала, но при всей своей скромности и простодушии он становится в исполнении Борисова одной из важнейших фигур, тем критерием высокой нравственности, которым призваны измеряться поступки и взаимоотношения других героев.

И когда дед вдруг бьет семейный хрусталь, протестуя против стяжательства внука, — это воспринимается не как дерзкая выходка расхоловшегося старика, а как порыв, утверждение его цельного, принципиального взгляда на мир, если хотите.

Подвыпивший толстячок из «Сказок старого Арбата», случайно забредший в одну из московских квартир, у Борисова не смешон в своей растерянности, но трогателен в глубоком целомом чувстве к покинувшей его жене. Когда этот немного нелепый, нескладный человек берет гитару и, перебирая струны неверными пальцами, сначала очень-очень тихо запевает: «Милая, ты услышь меня...», мы понимаем — это совсем не пьяная сентиментальность. Достаточно взглянуть на бледное лицо Толстячка, увидеть его глаза, чтобы понять, что творится в душе этого человека. Горе не озлобило, не опустошило его. Даже в самые тяжелые моменты жизни в нем живет любовь и доброта.

Такими были и другие его герои — афиногеновский «Чудак» — Борис Волгин, его первая большая роль, и боец Степан в «Победителях», Павка Корчагин в постановке «Как закалялась сталь», Семен Катко в спектакле «Шел солдат с фронта», Рекало в спектакле «За тех, кто в море».

Творчество Борисова можно назвать своеобразной повестью о русском человеке: о его широкой ясной душе.

УЖЕ СПЕКТАКЛЬ «Совет да любовь» вышел на сцену, был сыгран — один раз, а где-то исподволь Борисов все продолжал работу над образом своего деда Митрофана. Ну, хорошо, заслуженный получился дед, деликатный, симпатичный. А в общий замысел произведения он какую свою ноту вносит? Почему в самый трудный для Зосимы час — час суда народного над ним — дед Митрофан только радуется, что ему пенсия прибавилась? Не беда, что слов ему тут автор не дал. Играть это надо так...

Эпизодическая роль. Всего три выхода. Несколько реплик.

М. ИЛЬИНА
К. КЛЮЕВСКАЯ